

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/maykov/opochinin_maykov.html.

Майков. Издавна, еще в ранней моей юности, когда при мне произносили это имя, мне представлялось, что в первый раз после зимы открыли окно и весенний воздух свежей струей хлынул в комнату. Вероятно, это впечатление от имени поэта связывалось у меня с глубоко врезавшимся в память его стихотворением:

Весна. Выставляется первая рама.

И в комнату шум ворвался...

И вот, представьте себе, как я был поражен, когда в Петербурге в один из вторников у А.П. Милюкова хозяин, Александр Петрович, подвел меня к пожилому господину среднего роста самой обыденной наружности и назвал его А.Н. Майковым.

Прямые сидящие, но еще с большой темнотой волосы его лежали непослушными прядками на голове; вокруг щек с подбородка свисала и курчавилась аккуратная борода, из-за толстых очков смотрели пристально многодумные глаза. Все было просто и в то же время необычайно сложно в этой фигуре. Казалось, что такие люди попадают на каждом шагу, но стоило заговорить ему, и вы начинали думать, что Аполлон Николаевич Майков один на целом свете. В обращении его была какая-то сухость или, может быть, строгость, но это не отталкивало от него, а наоборот, привлекало, словно темный блеск старого золота. Какая-то значительность была в каждом его жесте, в каждом движении. Ни одно слово, срывавшееся с его губ, не могло замереть в воздухе, не приковав к себе вашего внимания. Мне казалось, что таковы именно были пророки и апостолы...

Раньше, не зная лично Майкова, я любил и почитал его как поэта-художника. Я знал наизусть много его стихотворений; целые поэмы, как "Два мира" и "Три смерти", сами собой укладывались у меня в памяти. Но вот странное дело, когда я узнал поэта лично и стал с ним встречаться, мое отношение к некоторым его произведениям совершенно изменилось: раньше мне все казалось высоко и прекрасно, а тут помимо моей воли произошла какая-то переоценка, и многое, что казалось мне прекрасным, я отбросил в сторону как недостойное великого поэта.

Я повинился в этой своей новой разборчивости перед Аполлоном Николаевичем. Помню, недоверчивое выражение едва мелькнуло в его глазах и сменилось ясной улыбкой:

- Ах, если б вы знали, сколько я хотел бы отбросить из написанного мною, да не только отбросить, а и забыть навсегда... Да вот беда: не только из песни, а и из песен слова не выкинешь.

Часто доводилось мне встречаться с Аполлоном Николаевичем в разных местах, бывал я и у него несколько раз в его небольшой скромной квартирке на Никольской улице. Случалось, подолгу беседовали мы о русской поэзии, о литературе вообще, и я уверен, многое довелось мне воспринять от Аполлона Николаевича в этих беседах. Никого в жизни не встречал я, кто бы так любил, почитал и понимал Пушкина. Он чувствовал каждый звук в его стихах, улавливал тончайшие оттенки гениальных образов и картин и преклонялся перед ними, как перед святыней. "В нем все совершенно, - говорил Аполлон Николаевич о нашем великом поэте, - даже его недостатки. В другом, обыкновенном человеке мы, может быть, осудили бы безудержную вспыльчивость, не всегда разборчивую наклонность к сарказму и ядовитой насмешке, а без них он немыслим, у него все безгранично и все совершенно. Даже горькая смерть его на барьере от пули противника как-то подходит к образу поэта, трагично завершая его жизнь. Право, мне кажется, умри он спокойно после долгой болезни, окруженный заботами семьи и врачами, это как-то не вязалось бы с его образом и кипучей жизнью".

Всегда уравновешенно сдержанный и строгий к себе, Аполлон Николаевич иногда мог проявить горячий порыв, в прямых и далеко не сдержанных словах выразить гнев и негодование.

В памяти у меня врезался один такой случай. Известный художник-маринист И.К. Айвазовский, приехавший тогда в Петербург отпраздновать свой пятидесятилетний юбилей, еще до этих праздников устроил у себя в великолепных комнатах в доме Жербина на Михайловской площади небольшой званый обед, так сказать, en petit comite (в тесном кругу (фр.)). Сколько помню, на обеде этом присутствовали, кроме самого будущего юбиляра и его красавицы жены, его племянник Леонид Мазиров, Григорий Петрович Данилевский, известный писатель-романист, звездоносный конференц-секретарь Академии художеств Н.Ф. Исеев с дочерью и ее женихом, каким-то морским офицером, не очень молодым, но весьма развязным, насколько помню, по фамилии, кажется, Красовский. Были также приглашены на этот